

О ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИКИ АРИСТОТЕЛЯ БЫТЬ ПЕРВОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

А. А. САНЖЕНАКОВ
Институт философии и права СО РАН
sanzhenakov@gmail.com

ALEXANDER SANZHENAKOV

Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia

ON THE CAPABILITY OF ARISTOTLE'S ETHICS TO BECOME THE FIRST PHILOSOPHY

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the problem of the relationship of ethics and metaphysics. The majority of the researchers believe that metaphysics precedes and determines ethics. It means that key concepts of ethics are based on the concepts of metaphysics. In Aristotle's philosophy such metaphysical concepts are the "essence", "form" and "activity" or "actuality". The difficult question is whether ethics can be the first philosophy. The author identifies four criteria that Aristotle's ethics must meet in order to be the first philosophy. Ethics must (1) deal with the first principles and causes, (2) give the universal knowledge, (3) deal with the most valuable subject, (4) be a commander discipline. It is obvious that the part of ethics that concerns moral virtues does not meet these criteria. However, the first philosophy is closer to that part of ethics, which concerns the intellectual virtues, and especially it concerns *sophia* – the highest virtues of the rational part of the soul. In this case, we can speak about merging of ethical and metaphysical discourses.

KEYWORDS: Aristotle, metaphysics, first philosophy, ethics, essence, activity, contemplation, intellect, unmoved mover, happiness, highest good.

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Проект № МК-589.2017.6).

Среди философов уже довольно давно утвердилось мнение о том, что метафизика является основанием для этики. Во всяком случае, по отношению к этическим взглядам стоиков, Спинозы и Канта это утверждается с большей степенью уверенности (см., например, Мур 1984, 186). Содержательно речь

идет о том, что ключевые положения и понятия этики того или иного философа неизбежно опираются на положения и понятия метафизики (которая включает не только онтологию, но и теологию). Стоики, например, представляли иерархию разделов философии таким образом, что этика всегда находилась на самой вершине или в центре, являясь тем самым наиболее ценной частью, ради которой разрабатываются другие – логика и физика (Столяров 1995, 36). Собственно, центральный тезис этики стоиков – живи согласно природе – покоится не только на физических, но и на метафизических положениях их философии. Еще более выраженный метафизический характер имеет этика Спинозы, где «субстанция, Бог и природа представляют идеальную модель человеческого совершенства» (Гаджикурбанов 2014, 12).

В случае с философией Аристотеля вопрос о взаимоотношении метафизики и этики представляется более сложным. Это связано с довольно четким разграничением дисциплин в его философской системе (по методу, предмету, цели). Особенно это разграничение чувствуется между первой философией и этикой, так как знание одной универсально и неизменно, тогда как знание другой конкретно и изменчиво. Тем не менее, имеется ряд исследований, посвященных проблеме соотношения метафизики и этики Аристотеля. Особенно хотелось бы выделить коллективную монографию под редакцией М. Сим «Пересечение нормы и природы: исследования по этике и метафизике Аристотеля», в которой представлено сразу несколько точек зрения на эту проблему. Излагая их во введении, редактор предлагает следующие варианты соотношения: (1) метафизика никак не зависит от этики, а этика от метафизики; (2) между ними существует фундаментальная связь, в которой один из элементов выполняет роль базиса. Этот тип взаимоотношений, в свою очередь, может быть представлен в трех видах: (2а) метафизика может формировать основу для этики,¹ (2б) этика может быть основой для метафизики, (2в) возможно, существует некая третья дисциплина, которая выступает фундаментом и для этики, и для метафизики (например, логика или биология).² Далее, (3) метафизика и этика могут быть взаимообусловлены, то есть оказывать *равное* взаимное влияние друг на друга. Наконец, (4) эти дисциплины могут существовать совершенно независимо (как в первом варианте), но при этом в рамках той и другой

¹ См. Halper 1995, Achtenberg 1988, Irwin 1980, Dudley 1982. Против см. Roche 1988.

² Например, С. Хилл считает, что этика Аристотеля включена в его философию природы (Hill 1995). Дж. Клири, в свою очередь, полагает, что диалектика как ее понимает Аристотель в «Топике» выступает главенствующим методологическим принципом как для этики, так и для метафизики (Cleary 1995).

дискутируются схожие топики, благодаря чему складывается превратное представление об их общности.³

Ранее мы уже рассмотрели проблему метафизических оснований этики Аристотеля (Санжениаков 2018) и пришли к выводу, что два понятия из метафизики Аристотеля – «сущность» и «деятельность» – выступают определяющими в формировании его этического учения. При этом, на наш взгляд, наиболее полно этика Аристотеля раскрывается именно через понятие «деятельность» / «актуальность» (*ἐνέργεια*).⁴ В то же время из всех вышеперечисленных точек зрения нам ближе всего третья, согласно которой этика и метафизика оказывают взаимное влияние друг на друга. Это убеждение проистекает из простой интуиции – чем сложнее философская система, тем труднее ее элементам быть независимыми друг от друга. Однако так исторически сложилось, что соотношение сил явно не в пользу этики, и поэтому показать, как влияет метафизика на этику, не составляет труда, в то время как выявить обратное соотношение значительно сложнее. Тем не менее, есть примеры прослеживания обратной связи – от этики к метафизике. Среди таковых можно упомянуть работу немецкого исследователя Вольфганга Шнайдера «ΟΥΣΙΑ и ΕΥΔΑΙΜΟΝΙΑ. Переплетение метафизики и этики Аристотеля» (Schneider 2001) и монографию Клаудии Барачи «Этика Аристотеля как первая философия» (Baracchi 2007). Так, Шнайдер ставит своей целью не только показать насколько этика зависит от метафизики (через понятия *τέλος*, *ἐνέργεια*, *ὁρθὸς λόγος*), но и показать, как определенные вопросы в метафизике становятся понятными только благодаря обращению к этике. В частности, он считает, что апория относительно возможности знания о единичных вещах, сформулированная в третьей книге «Метафизики» (*Met.* III.4) разрешается в тринадцатой книге (*Met.* XIII.10) только благодаря установленному в этике различию между «обладанием» (*ἔξις*) и «использованием» (*χρῆσις*) (Schneider 2001, 7).⁵ В свою очередь, исследование К. Барач-

³ См. Burger 1995; De Marco 1995.

⁴ Статья была опубликована совместно с комментариями отечественных специалистов по античной философии и этике. Некоторые из них высказались в критическом ключе (Зубец 2018; Платонов 2018), другие в целом солидаризировались (Мишагин 2018), но большая часть авторов заняла условно промежуточную позицию, отчасти соглашаясь, отчасти оспаривая наш подход (Аванесов 2018; Алымова 2018; Гаджикурбанов 2018). Отдельно следует выделить реплики, в которых авторы подхватили поставленную проблему и продолжили ее рассмотрение на другом историко-философском материале (Скрипник 2018; Скоморохов 2018; Назаров 2018).

⁵ Подобное исследование предпринимает в своей статье К. Лонг, однако результат у него несколько иной. По его мнению, вышеупомянутая апория действительно

чи «ставит своей целью продемонстрировать неразрывное переплетение практической и теоретической мудрости (*phronēsis* и *sophia*, а также сопряженность *praxis* и *theōria*) в Аристотелевой мысли» (Baracchi 2007, 1).

Итак, подходы Шнайдера и Бараччи в целом идентичны: оба исследователя пытаются показать взаимозависимость этики и метафизики, взглянуть на проблемы метафизики через призму практической философии и наоборот. В целом, как выше уже было сказано, нам импонирует подобная интенция. Действительно, сложно отрицать, что понятия метафизики, будучи столь фундаментальными и столь универсальными, не оказали хоть какое-то влияние на представления о деятельности человека и о его высшем благе. С другой стороны, сфера человеческого поступка создает особый подраздел бытия⁶ – сферу выбора, которая отличается и от природного детерминизма, и от случайности,⁷ поэтому сам факт человеческой практики вносит некоторые коррективы в ряд метафизических положений. Однако нам хотелось бы пойти дальше усматривания связи и поставить вопрос более радикально: возможна ли этика как первая философия? Иначе говоря, может ли этика хотя бы отчасти совпадать с метафизикой?⁸ С нашей точки зрения, чтобы быть первой философией, этика должна (1) заниматься первыми началами и причинами, (2) давать наиболее универсальное знание, (3) иметь своим предметом то, что наиболее достойно познания, (4) быть главенствующей, а не вспомогательной.⁹ Очевидно, что далеко не всем этим критериям этика

решается средствами практической философии Аристотеля, однако он отводит главную роль другим понятиям – ἐνέργεια, πράξις, φρόνησις. Именно эти понятия, как он полагает, позволили Аристотелю выработать динамическую концепцию сущности и новую концепцию знания (Long 2003, 123).

⁶ Согласно О.П. Зубец (2016, 2018), человеческий поступок является не просто центральной этической категорией, но и онтологическим актом, благодаря которому человек обретает бытие «самого себя».

⁷ В «Физике» Аристотель различает события, происходящие по природе (такие события происходят «всегда одинаковым образом» – ἀεὶ ὡσαύτως), по большей части (ἐπὶ τὸ πολὺ) и по случаю (*Phys.* 196b11–15). Дополнительно вводится разделение на то, что происходит «по выбору» (τὰ κατὰ προαίρεσιν) и то, что происходит «не по выбору» (τὰ οὐ κατὰ προαίρεσιν) (*Phys.* 196b18–19).

⁸ В предыдущей статье (Санженаров 2018б) мы уже предприняли попытку ответить на этот вопрос. Тогда мы не смогли дать положительного ответа и в конце лишь наметили дальнейшее направление поисков.

⁹ Эти критерии были дедуцированы нами из первой и второй главы «Метафизики» (982a4–6, 982a21–28, 982b1–5).

соответствует. Так, хотя она и занимается некоторыми началами,¹⁰ эти начала не могут считаться *первыми*. Об универсальности этического знания говорить тоже не приходится. Поскольку этическое знание имеет своим предметом подвижное и изменчивое бытие, постольку содержание этого знания носит условный и ограниченный характер. Что касается третьего и четвертого критерия, то здесь все не так однозначно. Например, предмет этики и политики не является самым важным (*σπουδαιότετην*), поскольку они направлены на человека, а человек «не есть наилучшее (*μὴ τὸ ἄριστον*) из всего в мире» (*EN 1141a*, здесь и далее пер. Н. В. Брагинской). С другой стороны, высшее благо человека у Аристотеля имеет далеко не антропологические характеристики. Коль скоро оно должно быть совершенным и самодостаточным, наиболее всего таковым может считаться созерцательность, которая, в свою очередь, присуща скорее божеству, нежели человеку. Признавая это, Аристотель смело заявляет: «Нет, не нужно [следовать] увещаниям “человеку разуметь человеческое” и “смертному – смертное”; напротив, насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе» (*EN 1177b31–34*).

Здесь следует остановиться и обратить внимание на причины, благодаря которым созерцательность избирается в качестве наивысшего блага. Согласно Аристотелю, наивысшим благом будет такое благо, наслаждение от которого было бы наиболее чистым и наиболее продолжительным. Чтобы получить такое наслаждение, субъект, получающий его, и его предмет должны быть лишены материи, поскольку последняя не может действовать продолжительное время. Так, зрение, будучи деятельностью, имеющей цель в самой себе, а значит способной в теории длиться бесконечно долго, ибо не имеет предела вне себя, на практике не может реализовываться продолжительное время, потому что материя – глазное яблоко, мышцы и нервы – требует перерыва (*EN 1175a4–6*). Наша природа, говорит Аристотель, не позволяет нам долго чем-либо наслаждаться потому, что она не проста (*μὴ ἀπλῶς*), т.е. состоит из смертного тела (а также смертной части души) и бессмертного божественного ума (*EN 1154b21–24*). Тем не менее, в той мере в какой мы можем отказаться от первой составляющей в пользу второй, мы можем достичь наивысшего блага и наслаждения.

В X книге «Никомаховой этики» Аристотель дает окончательный ответ на вопрос о человеческом счастье, полагая таковым деятельность наивысшей части души. «Если же счастье – это деятельность, сообразная добродетели, то, конечно, – наивысшей, а такова, видимо, добродетель наивысшей

¹⁰ В этике под началами подразумевается и склад души (*EN 1095b8*), и источник поступка (*EN 1140b16–20*), и конечная цель – счастье (*EN 1102a2–3*).

части души. Будь то ум или что-то еще, что от природы, как считается, начальствует и ведет и имеет понятие о прекрасных и божественных [предметах], будучи то ли само божественным, то ли сáмой божественной частью в нас, – во всяком случае, деятельность этого по внутренне присущей ему добродетели и будет совершенным, [полным и завершенным], счастьем» (EN 1177a12–17). Как уже ясно из вышесказанного, таковой деятельностью является созерцательная (θεωρητική) деятельность. Далее, утверждается, что наивысшей деятельностью будет деятельность, сообразная мудрости, а также что мудрый более самодостаточен в своей деятельности, нежели правосудный, поскольку последнему нужны еще и «те, на кого обратятся» его правосудные дела (1177a31). Таким образом, мудрость, будучи высшей добродетелью разумной части души, расценивается самой совершенной добродетелью, деятельность сообразно которой и есть счастье или высшее благо.

Сходные рассуждения мы обнаруживаем в XII книге «Метафизики», где описывается некая «вечная, неподвижная и обособленная от чувственно воспринимаемых вещей сущность» (Met. 1073a4–5, здесь и далее пер. А. В. Кубицкого под ред. М. И. Иткина). Жизнь этой сущности является самой лучшей (Met. 1072b14–15) и представляет собой мышление, направленное на само себя. Такая деятельность ума тождественна божественной активности, и поэтому является вечной и самой лучшей жизнью. Исходя из этого, кажется очевидным, что для Аристотеля божественная деятельность представляет собой парадигму, которой человек должен следовать, с тем чтобы достичь совершенного состояния. К такому заключению приходит, например, Дж. Дадли в своей статье (2016), в которой доказывается исключительный приоритет метафизических оснований перед этическими вопросами.

Не вступая в серьезную дискуссию, мне бы хотелось отметить один важный момент, который, на мой взгляд, не позволяет безоговорочно принять тезис о метафизической предпосылке этики Аристотеля. Суть возражения сводится к тому, что созерцание мудреца и мышление бога не имеют качественного различия, то есть по своему характеру мысль мудреца ни в чем не отличается от божественного мышления за одним исключением – время осуществления (мышление вечной, неподвижной и нематериальной сущности длится бесконечно, в то время как мудрец может забыть обо всем и отдать чистой интеллектуальной деятельности лишь на некоторое время). Различие усматриваются нами лишь в той мере, в какой мы смотрим на человека как на целокупное существо – живое, растущее, мыслящее. Но как только мы сосредотачиваемся на разумной части души, а в ней выделяем научную часть, занимающуюся неподвижными сущностями, мы сразу меняем оптику и человек предстает перед нами не как живое существо, безмерно

далекое от бога, а как чистый (божественный) интеллект. В этом случае нам следует говорить не о подчинении этики метафизике и не о подражании человека богу, но о слиянии метафизического и этического, об их неразличимости.

Чтобы обосновать возможность этики быть первой философией, нам необходимо выделить в этическом дискурсе Аристотеля нечто, что бы позволило нам характеризовать его не только с точки зрения практической науки, но и с точки зрения метафизики. Иначе говоря, необходимо показать, к чему именно в этике Аристотеля можно применить эпитет «метафизическое». С нашей точки зрения, мотив стремления к *деятельности*, которая бы совершалась на *постоянной* и *неизменной* основе и есть то свойство этической теории Аристотеля, которое может по праву считаться метафизическим. Почему мы указываем именно эти качества? Дело в том, что именно их Аристотель приписывает перводвигателю – он есть чистая деятельность и вместе с тем заключает в себе неизменность. Он есть «начало, сущность которого – деятельность» (ἀρχὴν τοιαύτην ἧς ἡ οὐσία ἐνέργεια) (*Met.* 1071b21), и при этом «в отношении его перемена никоим образом невозможна» (τοῦτο οὐκ ἐνδέχεται ἄλλως ἔχειν οὐδαμῶς) (*Met.* 1072b8), эта сущность «не подвержена ничему и неизменна» (ἀλλὰ μὴν καὶ ὅτι ἀπαθὲς καὶ ἀναλλοίωτον) (*Met.* 1073a11). В этике Аристотеля эти мотивы также легко прослеживаются. Например, добродетельный поступок, по Аристотелю, должен совершаться не только сознательно и ради него самого, но и на постоянной основе: «поступки, совершаемые сообразно добродетели, не тогда правосудны или благоразумны, когда они обладают этими качествами, но когда [само] совершение этих поступков имеет известное качество: во-первых, оно сознательно (εἰδῶς), во-вторых, избрано преднамеренно (προαιρούμενος) и ради самого [поступка] и, в-третьих, оно уверенно и устойчиво (βεβαίως καὶ ἀμετακινήτως)» (*EN* 1105a28; пер. Н. В. Брагинской). В связи с этим добродетель Аристотель описывает через «уклад» (ἔξις) – устойчивое свойство, а не через «наклонность» (διάθεσις) – преходящее свойство (*Cat.* 8b26–29; *EN* 1103a9, 1105b25–28, 1106a21–24). Таким образом, в этике Аристотеля существует явно метафизический мотив – стремление к устойчивости и неизменности, и в той мере, в какой мы усматриваем его, этика представляется метафизической дисциплиной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесов, С.С. (2018) «Аксиологический аспект метафизики Аристотеля», *Этическая мысль* 18.1, 11–117.

- Альимова, Е.В. (2018) "Аристотель и проблема единства метафизического и этического дискурсов," *Этическая мысль* 18.1, 100–105.
- Гаджикурбанов, А.Г. (2014) *Этика Спинозы как метафизика морали*. Москва.
- Гаджикурбанов, А.Г. (2018) "О приоритетах этики и метафизики," *Этическая мысль* 18.1, 90–94.
- Дадли, Дж. (2017) "Физические и метафизические основания этики у Аристотеля," *VERBUM* 19, 9–23.
- Зубец, О.П. (2016) "Что презирает и что превосходит добродетельный человек," *Этическая мысль* 16.2, 34–50.
- Зубец, О.П. (2018) "Не метафизические основания этики, но этика как первая философия," *Этическая мысль* 18.1, 78–83.
- Мишагин, П.А. (2018) "Энергичный подход к взаимосвязи этики и метафизики как путь к философии свободы," *Этическая мысль* 18.1, 106–110.
- Мур, Дж. (1984) *Принципы этики*, пер. с англ. Л.В. Коноваловой. Москва.
- Назаров, В.Н. "Возможна ли «метафизика пороков» в этике Аристотеля?" *Этическая мысль* 18.1, 118–123.
- Платонов, Р.С. "Связь метафизики и этики в философии Аристотеля: понятие «энергия»," *Этическая мысль* 18.1, 95–99.
- Санжеников, А.А. (2018а) "Метафизика Аристотеля как основа его этики," *Этическая мысль* 18.1, 66–77.
- Санжеников, А.А. (2018б) "Этика Аристотеля как первая философия," *Сибирский философский журнал* 16.4 (в печати).
- Скоморохов, А.В. (2018) "Метафизика как основа моральной философии: состояние и возможности," *Этическая мысль* 18.1, 124–129.
- Скрипник А.П. (2018) "Какие онтологические основания раскрывает аристотелевская этика," *Этическая мысль* 18.1, 84–89.
- Столяров, А.А. (1995) *Стоя и стоицизм*. Москва.

REFERENCES

- Achtenberg, D. (1988) "Human Being, Beast and God: The Place of Human Happiness According to Aristotle and Some Twentieth-Century Philosophers," *The St. John's Review* 38.2, 21–47.
- Baracchi, C. (2007) *Aristotle's Ethics as First Philosophy*. New York.
- Burger, R. (1995) "Aristotle's 'Exclusive' Account of Happiness: Contemplative Wisdom as a Guise of the Political Philosopher," *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. M. Sim. Lanham, 79–98.
- Cleary, J. (1995) "Working through Puzzles with Aristotle," *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. M. Sim. Lanham, 175–220.
- DeMarco, C. W. (1995) "Plato's Ghost: Consequences of Aristotelian Dialectic," *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. M. Sim. Lanham, 151–174.
- Dudley, J. (1982) *Gott und Θεωρία bei Aristoteles. Die metaphysische Grundlage der Nikomachischen Ethik*. Frankfurt a. M.; Bern.

- Halper, E. (1995) "The Substance of Aristotle's Ethics," *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. M. Sim. Lanham, 3–28.
- Hill, S. (1995) "Two Perspectives on the Ultimate End," *The Crossroads of Norm and Nature: Essays on Aristotle's Ethics and Metaphysics*, ed. M. Sim. Lanham, 99–114.
- Irwin, T. (1980) "The Metaphysical and Psychological Basis of Aristotle's Ethics," *Essays on Aristotle's Ethics*, ed. by A. O. Rorty. University of California Press, 35–53.
- Long, C.P. (2003) "The Ethical Culmination of Aristotle's Metaphysics," *Epoché: A Journal for the History of Philosophy* 8.1, 121–140.
- Roche, T. (1988) "On the Alleged Metaphysical Foundation of Aristotle's Ethics," *Ancient Philosophy* 8.1, 49–62.
- Schneider, W. (2001) *ΟΥΣΙΑ und ΕΥΔΑΙΜΟΝΙΑ. Die Verflechtung von Metaphysik und Ethik bei Aristoteles*. Berlin, New York.
- Avanesov, S.S. (2018) "Aksiologicheskij aspekt metafiziki Aristotelya," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 111–117.
- Alymova, E.V. (2018) "Aristotel' i problema edinstva metafizicheskogo i eticheskogo diskursov," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 100–105.
- Dudly, J. (2017) "Fizicheskie i metafizicheskie osnovaniya etiki u Aristotelya," *VERBUM* 19, 9–23.
- Gadzhikurbanov, A.G. (2014) *Etika Spinozy kak metafizika morali*. Moskva.
- Gadzhikurbanov, A.G. (2018) "O prioritetah etiki i metafiziki," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 90–94.
- Mishagin, P.A. (2018) "Energijnyj podhod k vzaimosvyazi etiki i metafiziki kak put' k filosofii svobody," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 106–110.
- Moor, G. (1984) *Principy etiki*, per. s angl. L.V. Konovalovoj. Moskva: Progress.
- Nazarov, V.N. "Vozmozhna li "metafizika porokov" v etike Aristotelya?" *Eticheskaya mysl'* 18.1, 118–123.
- Platonov R.S. "Svyaz' metafiziki i etiki v filosofii Aristotelya: ponyatie «energiya»," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 95–99.
- Sanzhenakov, A.A. (2018a) "Metafizika Aristotelya kak osnova ego etiki," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 66–77.
- Sanzhenakov, A.A. (2018b) "Etika Aristotelya kak pervaya filosofiya," *Sibirskij filosofskij zhurnal* 16.4.
- Skomorohov, A.V. (2018) "Metafizika kak osnova moral'noj filosofii: sostoyanie i vozmozhnosti," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 124–129.
- Skripnik A.P. (2018) "Kakie ontologicheskie osnovaniya raskryvaet aristotelevskaya etika," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 84–89.
- Stolyarov, A.A. (1995) *Stoya i stoicizm*. Moskva.
- Zubec, O.P. (2016) "Chto preziraet i chto prevoskhodit dobrodetel'nyj chelovek," *Eticheskaya mysl'* 16.2, 34–50.
- Zubec, O.P. (2018) "Ne metafizicheskie osnovaniya etiki, no etika kak pervaya filosofiya," *Eticheskaya mysl'* 18.1, 78–83.